

ОБ ИСХОДЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ИЗ ШКОЛЫ

ГАГАЕВ Павел Александрович

доктор педагогических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

г. Пенза, Россия

GAGAEV Pavel Alexandrovich

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Penza State University, Penza, Russia

В статье очерчивается состояние преподавания русской словесности в современной школе в сопоставлении с обучением в предшествующем (советском) периоде. Утверждается резкое снижение статуса русского языка и литературы в содержании обучения в школе (выведение литературы из числа предметов, экзамен по которым обязателен; уменьшение учебных часов и др.), игнорирование на теоретическом уровне природы гуманитарно-филологического знания (невозможность и пагубность редукции гуманитарного знания к тем или иным формальным реалиям). Дается критика вузовской подготовки учителя словесности (двухуровневый характер образования, тенденция к разделению дисциплин). Обосновывается положение о сведении филологического образования к формальным действиям обучающихся в сфере языка и литературы (тотальная стандартизация содержания обучения и формат единого государственного экзамена). Аргументируется положение о необходимости возвращения в качестве экзаменатора учителя, ведущего в выпускном классе русский язык и литературу. Фиксируется ослабление воздействия содержания обучения по русскому языку и литературе на духовно-нравственное и эстетическое развитие обучающихся. Прогнозируется последовательное обеднение мышления выпускников средней школы (семантико-смысловой аспект).

Методология статьи – субстратная рефлексия А.А. Гагаева.

Ключевые слова: гуманитарное знание, русская словесность, школа, личность, стандарт, история, современность.

The article outlines the state of teaching Russian literature in a modern school in comparison with teaching in the previous (Soviet) period. The author claims a sharp decline in the status of the Russian language and literature in the content of education at school (the removal of literature from the number of subjects for which the exam is mandatory; reduction of study hours, etc.), ignoring at the theoretical level the nature of humanitarian and philological knowledge (the impossibility and harmfulness of reducing humanitarian knowledge to certain formal realities). Criticism of the university training of a teacher of literature is given (the two-level nature of education, the tendency to separate disciplines). The article substantiates the provision on the reduction of philological education to formal actions of students in the field of language and literature (total standardization of the teaching content and the format of the unified state exam). The position on the need to return as an examiner of a teacher leading to graduation is argued.

The methodology of the article is A.A. Gagaev's substrate reflection.

Keywords: humanitarian knowledge, Russian literature, school, personality, standard, history, modernity.

Лучи к ним в душу не сходили,

Весна в груди их не цвела...

Ф.И. Тютчев

Русская словесность покинула отечественную школу. Факт печальный и неоспоримый. Школа более не поддерживает в своих питомцах взгляд на мир глазами русской духовности. Школа формирует те ли иные языковые (филологические) компетенции у своих выпускников, и не более того.

Развернем обозначенное, опираясь на идеалистическо-субстратную рефлексию А.А. Гагаева, согласно которой в предмете познания удерживается его едино-множественная основа и характерное для него стремление к персонификации и ответанию на обращение к себе со стороны познающего [1].

Традиция

Русская словесность исторически отечественной общественностью воспринималась как *срединная* дисциплина в содержании образования в гимназии,

средней школе, другом учебном заведении, вводящем индивида в пространство российского социума. Так оно и было. Наряду с другими гуманитарными дисциплинами (и прежде всего с русской историей) русская словесность решала задачу введения школьника в миры русской культуры. Тексты Г. Державина, А.Пушкина, М.Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого и других на уроках русской словесности (русского языка и русской литературы) открывали для школьника сокровенное в переживаниях русского человека в его взаимоотношении с Богом, общественной жизнью, с другими людьми, прошлым и будущим, другими народами, с самим собою и другим важным.

Русская словесность с ее исканиями высокого, поддержанием вселенского в сознании человека (романное мышление Ф. Достоевского, Л. Толстого и др.), утверждением прекрасного и милосердного в душе человеческой подвигала юную духовность к дерзновенно-светлому в ее общественном и личном бытии.

Русская словесность - в ее школьном выражении - прямо причастна и к Победе в Великой Отечественной войне, и к полетам в космос, и к другим дерзновенным деяниям советских людей в XX столетии.

Как традиционно преподавалась до недавнего времени (до введения федеральных государственных стандартов) русская словесность в отечественной школе? Полагаем, так, как того требовали *историко-культурный статус* и *природа* (ценностно-гносеологическая) этой дисциплины.

Русская словесность в XX веке всегда была важнейшей дисциплиной в учебном плане отечественной школы и всей ее жизни. Количество учебных часов на всех ступенях образования, обязательный экзамен по русскому языку и литературе, факультативные занятия, плановая внеклассная работа по предмету, создание кабинетов русского языка и литературы, комплектование школьных библиотек, скрупулезная подготовка учителя словесности в высшем учебном заведении, экзамен по русской словесности при поступлении в вуз – это и другое указывает на положение искомой реалии в школьном образовании.

Русская словесность преподавалась в виде двух теснейшим образом связанных предметов – русского языка и литературы. Фактически оба они – предметы - и составляли одну дисциплину – *русскую словесность*.

Преподавались русский язык и литература как *гуманитарные реалии*, каковые не поддаются строгой формализации. Предмет этих дисциплин – в идеале - миры русского языка, миры русской литературы как нечто неформализуемое и вместе с тем зримо-конкретное, глубоко-глубокое, родное и близкое носителю языка, открытое другим культурным пространствам.

Программа по русской словесности традиционно ориентировалась на включение в себя лучших и наиболее значимых с эстетико-культурной точки зрения текстов отечественной литературы и сфер использования русского литературного языка.

Учитель русского языка и литературы (так именовалась по диплому специальность педагога) в вузе получал во многом филологическое образование. Для него как ученого внятными были миры А.Пушкина и М. Лермонтова, Л. Толстого и Ф. Достоевского и др. Внятными для него были особенности стиля И. Тургенева и Н. Некрасова, А. Твардовского и М. Шолохова и др.

Учитель отечественной школы (советской школы) был готов и решал задачи актуализации в психике обучающихся смыслов и семантик языкового сознания русских классиков. Учитель решал задачи формирования духовности обучающегося как *русской* языковой личности.

Характерным для школы предшествующего периода была *минимальная* стандартизация содержания образования.

Не было и самого понятия «стандартизация». Программа являлась ориентиром и документом для учителя. Программа не была соотнесена с тотально выписанной аттестацией по предмету (формат ЕГЭ). Программа соотносилась с определенными умениями, выражающими общее в содержании филологического образования в теоретико-практическом отношении. И это было благом! Благом, потому как и учитель, и ученик, может быть, и не осознавая этого, к языку и литературе относились как к мирам языкового и литературного

творчества (миры невозможно стандартизировать). Уроки словесности и проводились как введение в миры русских поэтов, миры русской смысловосемантики и русской речи. Утверждаем это как работавшие тринадцать лет в сельской школе в качестве учителя русского языка и литературы.

Благом для отечественной школы было и то, что экзамены по русской словесности (по языку, литературе) принимал сам учитель (и его коллеги). Так и должно быть. Не понимающий природу гуманитарного знания только и мог предложить оценивание сочинения, устного ответа, другой личной формы представления знания *стороннему лицу* или *машине*.

Гуманитарная интенция (ответ по предметам гуманитарного цикла дисциплин) всегда несет в себе личное, не формализуемое. И вот в этом личном, что может быть утеряно в силлогизме, выводах, заключении и пр. формальном, чаще всего и являет себя филологическая подготовленность и одаренность обучающегося. Увидеть это личное, дать ему простор, соотнести его с тем или иным формальным – это может только тот, кто со школьником и постигал премудрости русской речи и русского художественного сознания (своих учителей языка и литературы помнят поколения людей).

Экзамен по словесности должен принимать ведущий дисциплину учитель.

К языку и словесности ученики относились как тому, в чем они себя находили истинными. Никто не боялся аттестации по словесности. Словесность принимала малыша в первом классе, и она же благословляла его при выходе из школы.

Так было в предшествующем. А ныне?

Современность

Укажем на не принимаемое нами как категорически отрицательно влияющее на преподавание русской словесности в современной школе.

Русский язык и литература и в вузовской, и школьной практике отдаляются друг от друга (специализация в магистратуре по языку и литературе; общего экзамена по словесности нет в школе). Все чаще в школе работает учитель, специализирующийся на одном предмете. В официальной литературе

говорится о двух профилях «русский язык» и «литература» (налицо разделение единой дисциплины).

Не улучшает подготовку учителя словесности, выскажем мнение, двухуровневая структура высшей школы страны. Бакалавриат, как бы он ни совершенствовался в отдельных вузах страны, ориентирован на подготовку учителя к решению сугубо конкретных, связанных с уровнем обучения задач преподавания русского языка и словесности (как это и в европейской системе образования). Школа средняя (утверждаем это, опираясь на более двадцатилетний опыт работы в системе повышения квалификации учителей-словесников) неизбежно однажды потребует от учителя *полного* высшего образования, и прежде всего, в отношении его филологической подготовки. Потребуется, а подготовленного учителя в школе не окажется (что и происходит в настоящее время).

Полагаем, со стороны теоретико-литературоведческой и историко-культурной действующий федеральный государственный стандарт по литературе серьезно уязвим. Речь идет о том, что отчетливо *картина мира* в русской художественной традиции в нем не представлена. Миры Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Лескова и других со стороны прочтения в них бытия, понимания человека, его ценностных интенций, его мышления и его психологии отчетливо не выражены (нами взята философско-филолого-культурологическая парадигма Г.Д. Гачева [3]). Национальный характер русской словесности, связь ее с глубинными процессами русской истории и культуры в стандарте и программах декларируются, но не разворачиваются *в филологическом отношении* надлежащим образом. Решение этой задачи оставлено на учителя, что вызывает только возмущение [2].

Литература перестала быть дисциплиной, по которой экзамен за курс средней школы обязателен для всех обучающихся. Сочинение в 11 классе с оценкой «зачтено-не зачтено» - реалья, о каковой нам как имевшим опыт работы в школе всерьез и не хочется говорить.

Общее количество часов по литературе на ступенях образования по сравнению с предшествующими периодами отечественной школы уменьшилось (старшие классы).

Профилизация старшей школы опять-таки теснит обсуждаемую реалию. Выпускник профильной школы недополучает многое в филологическом отношении.

Содержание образования по русскому языку и литературе стандартизировано в максимальной мере. К чему это приводит? К тому, что и для учителя, и для ученика миры русского художественного сознания и миры русской речи предстают как контрольно-измерительные материалы (некая редукция гуманитарного опыта).

Усиливается обозначенное аттестацией по предметам в формате ЕГЭ. Стороннее лицо и, тем более, машина, принимают только *букву, а не движение мысли* (морфологической, синтаксической, лексической, речевой, шире - филологической.).

Мышление школьника, иными словами, втискивается в прокрустово ложе стандарта по предметам. Русская словесность как ни что другое способное воздействовать на личность воспитанника шествует мимо юной духовности и оставляет ей лишь свою периферию (те или иные компетенции прочтения текста).

Время от времени в педагогической среде возникает обсуждение проблемы изучения *больших* текстов русской классики. Находятся люди – и с именами (и это отвратно), - предлагающие убрать из школьной программы романы Ф. Достоевского, Л. Толстого и других как трудные для восприятия юношеством. Романное - оно же космическое - мышление собираются вытеснить из содержания образования в школе. Как же будут воспитываться Циолковские, Вернадские, Чижевские и др.?

Укажем на пагубность, с нашей точки зрения, продолжающейся дифференциации языков и литератур на русскую и родную. В России русская литература, как и русский язык, суть родные для всякого живущего в ней. Есть первый

родной – материнский, и второй - русский или другие (для русского человека). Признание этого, полагаем, изменит отношение к русскому языку в среде родительской и педагогической общественности и укажет иные пути решения связанных с проблемой вопросов.

Как относятся современные школьники к языку и литературе? В целом никак. Язык и литература для них - учебные предметы, и не более того.

Школа в лице ее теоретиков, авторов концепции обучения русской словесности, явно индифферентна, более того, невнимательна к обсуждаемой реалии. Поистине: *Лучи к ним в душу не сходили, Весна в груди их не цвела...* (Ф.И. Тютчев).

Родительская общественность куда как более обеспокоена судьбами русской классики в ее соотнесенности с воспитанием современных поколений (ею итоговое сочинение возвращено в школу, пусть и в усеченном виде).

Следствие

Полагаем, снижение статуса русской словесности в содержании отечественного образования прямо соотносится с общей нравственной индифферентностью современного юношества, отсутствием интереса у многих молодых людей к отечественным ценностям, невосприимчивостью к нестандартным формам мышления (всему тому, чем славился русско-российский социум) и другому нежелательному для выпускников школы.

Общее обеднение мышления современного гражданина страны (семантико-смысловое) – опять-таки связано с приведенным нами. Не читающий Достоевского и Толстого, не перечитывающий Пушкина и Лермонтова, не говорящий и не пишущий в традициях Тургенева и Чехова - не ищет *высокого* в себе и своих поступках. Удел его - обретение выгоды (именно выгоды, а не недостатка, столь чаемого поколениями русских людей) и историческое забвение.

Вместо заключения

Правы ли мы в своих весьма мрачных оценках происходящего в преподавании русской словесности в школе? Убеждены, что тенденция нами подмечена

верно. Пусть разделяющие (не разделяющие) нашу точку зрения дополнят сформулированное или поправят нас.

Литература

1. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. – Саранск: МГУ им. Н. П. Огарева, 1994.- 48 с.

2. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Художественный текст как культурно-исторический феномен: теория и практика прочтения. – М.: Флинта-Наука, 2002. - 184 с.

3. Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры. - Ростов-на-Дону: РГУ, 1993.- 320 с.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413.